

ОТКРЫТАЯ

встреча

Приложение
к газете

26

ЧТО ГОВОРИТЬ ДЕТЯМ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ О ТОЛСТОМ?

На вопросы отвечает Александр Копировский, катехизатор Свято-Андреевского малого православного братства (Москва).

Как по-христиански относиться к снам?

— О снах все духовно-опытные люди говорят одно: «не верить». Это, вероятно, и будет самым христианским отношением к ним. Правда, не стоит отрицать, что бывают вещие сны, но всё-таки это исключение. Если они приводят человека к покаянию, т.е. к исправлению, к очищению, к вдохновению на то, чтобы порвать с грехом, то тогда это дело хорошее, но ведь это подтверждение того, что так нужно делать и без всяких снов. А если сны зовут к экстремизму, к эксцентрическим поступкам или к тому, чтобы тебя стали воспринимать как человека, получившего *особое откровение*, то тогда надо попить холодной водички, можно даже не святой, перевернуться на другой бок и помолиться о том, чтобы сон продолжался без сновидений.

Может ли христианин избавиться от всех страхов, даже от страха потерять близких? Если да, то получается, что нужно стремиться к позиции в отношении дорогих для тебя умерших людей: «Ну что же, Бог дал — Бог взял»?

— Не знаю, возможно ли избавиться от *всех* страхов — может быть, только великим святым такое было под силу. «Помните слова одного из них: В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, ... боящийся несовершенен в любви». Но стоит обратить внимание на *качество* своего страха. Если это страх парализующий, заставляющий бросить всё ради близких, то тогда мы рискуем оказаться в положении человека, творящего себе из своих близких кумира. Надо всегда помнить, что ближе Бога у человека никого нет, и поэтому можно иметь страх за близких, но только *в свете страха Божьего*.

Что касается выражения «Бог дал — Бог взял», то оно может звучать в разном тоне и разном смысле. Изначально это слово принадлежит библейскому Иову. Когда его искушает сатана — похулит он Бога в страданиях или нет — Иов, как образ самой высокой праведности Ветхого завета, говорит: «Бог дал — Бог взял». Для него это не словесная формула, не поговорка, не выражение равнодушия, а знак глубокой веры — в смысле внутреннего видения. Поэтому на упрек жены он отвечает: «Я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих — как же я могу Его отвергнуть, похулить?» Нам не следует повторять за святыми их слова с лёгкостью необыкновенной, о них вначале стоит поразмышлять. И не надо слишком легко применять их к себе.

Здесь есть ещё один важный момент. Что значит «потерять близких»? Многие из нас уже давно потеряли близких, и не только умерших, а живущих, вдруг ставших нам врагами, когда мы начали менять что-то в жизни ради Бога. И не только нам, но как бы и Богу тоже. Тогда на какое-то время, может быть, придётся и разделиться, и в этом смысле потерять их, — чтобы потом иметь возможность их приобрести в новом качестве. Вот такая диалектика получается, иногда трагическая, но небезнадёжная...

Нарушение заповеди о субботе до сих пор является смертным грехом?

— Конечно ☉. Ее отвержение, поставление на ее место своего понимания того, как надо проводить субботний день безупречно, является смертным грехом, — в том смысле, что человек, отвергая даже одну из Божьих заповедей, становится, как говорит Писание, «виновным во всем». Другое дело, если заповедь о субботе «нарушается» в *подражание Христу*, когда приходится игнорировать человеческие, слишком человеческие — очень часто даже не церковные, а народные предания. Например, что нельзя в этот день стирать,

Катюша бежит за поездом

нельзя варить, нельзя другому помогать... Вспомните слова Христа: «Неужели тот из вас, у кого сын или вол упадет в колодезь, не поспешит его вытащить, хотя бы и в день субботний?» А если он у соседа упал? Эту ситуацию надо понимать прямо и не разменивать её на мелочи, следование которым может оказаться просто грехом. Суббота — это великое откровение о том, как человеку, особенно начинающему свой путь в вере, почитать Бога и поклоняться Ему. Нужно освободить субботу для Божьих дел. Не надо копать огород для себя в субботу — это будет нехорошо. Никто за такое камнями сейчас не побьёт, но это знак человеческой слабости. Надо исполнять заповедь о субботе всерьёз, по смыслу. И, конечно, не переносить субботу на воскресенье. Воскресенье — день радости, духовного торжества, победы Христа. А суббота — день покоя, день внимания, день углублённого размышления, даже если он будет сведён к 2 — 3 часам, на это потраченным.

Почему Израиль предавал Бога — ведь его предназначение было остаться верным Богу, быть Его избранным народом? Знал ли Бог о его отступничестве заранее?

— Не помню, чтобы Израиль «предавал Бога». Вспомните, что говорит Бог: «Я соблазнил Себя семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Валоом». Всегда говорилось о том, что в Израиле даже в худшие времена оставался «остаток» — духовное ядро, пусть количественно малое, но достойное звания избранного народа. И ещё: не надо забывать, что большинство народа заблуждалось потому, что их вели к этому вожди. И народ мог быстро отречься — достаточно было вождю прийти в себя или сменить такого вождя.

А предательство Сына Божия совершил известно кто — Иуда. Но с ним нельзя отождествлять весь еврейский народ. Конечно, в Иуде многие люди из этого народа выразили себя, очень многие. Кто-то его нанимал, кто-то давал деньги, кто-то благословлял на это, кто-то кричал: «Распни!» — но другие в это же время оставались верными.

И в Новом Завете отдельные члены избранного народа — Церкви Христовой — могут отречься от Бога, в истории такое случалось нередко, и сегодня случается. Но от этого Церковь не лишается избрания.

Знал ли Бог об отступничестве заранее? Сводить мысли и действия Господа к чисто человеческим представлениям типа «знал, не знал» — будет, конечно, ошибкой. Бог Всеведущий не «знает» так, как знаем мы — дискурсивно. Ему известен весь путь человечества от начала до конца. Но в Нём есть полнота свободы, такая, что все предполагаемые варианты того, как совершится то или иное событие, как поступит тот или иной человек, этой Свободы не отменяют. И человек по воле Божией свободен. Поэтому его выбор довольно сильно меняет ситуацию, меняет саму историю человечества — но не меняет замысла Божьего о человеке. Это не значит, что в итоге «всё будет хорошо». Нет, и история человеческая, и ее конец могут быть очень разными. Но мы же знаем, что если человек покается, и если народ покается, то наказание на него не придёт. Это всё тоже ведомо Богу.

Существуют ли исследования исторических психологов, комментирующих Писание? Дело в том, что между Ветхим и Новым заветом слишком много противоречий.

¹ Лк 14:5, перевод С.С. Аверинцева

Трудно, читая Ветхий завет, понять, что написано верно, а что нужно списать на мировоззрение ветхозаветного человека, например, когда говорится, что Бог умерщвляет людей.

— Противоречия между Ветхим и Новым заветом нет. Есть разные подходы, разные основы, разные исторические эпохи, разные задачи. Ветхий Завет ведёт к Новому, а то, что Ветхий завет не есть Новый — не противоречие. Все должно было совершиться в истории в своё время. Поэтому «списывать» на ветхозаветное мировоззрение ничего не надо, надо просто его учитывать. Да, по представлениям ветхозаветного человека — Бог в наказание умерщвлял людей. Это факт, из него надо исходить, но это не самое худшее, что было у ветхозаветного человека. Это было его представлением о справедливости. Но за такое представление стоит укорить человека, живущего в Новом завете, — ведь это нередко бывает. И надо исправлять эту ситуацию, изменять ветхое мировоззрение.

Исследования психологов на библейские темы, конечно, есть, но для понимания ситуации можно не быть психологом, достаточно быть верующим и знающим человеком. «Исследование Писания» — это древний призыв, он из Священного писания и исходит. Важно лишь посмотреть, как исследуешь, для чего и какие выводы из этого исследования делаешь.

Что говорить детям на уроке литературы о Толстом? Ведь нужен чёткий ответ — хороший или плохой, правильно или неправильно.

— Что он великий русский писатель, что же ещё? ☉ Я вспоминаю замечательный фильм, который был много лет назад, — «Дождём до понедельника». Там говорилось, что по нашим учебникам создаётся представление, будто в истории орудовала банда двоюродников: Пушкин нелюблён, Толстой недопонял, и т.д. Для того чтобы давать всесторонние оценки Толстому, надо быть Толстым. Или хотя бы Достоевским. В общем, разговаривать в уровень предмета. Разве можно говорить: «Дорогие дети, вот хороший писатель, а вот плохой», если речь идет не о человеке, который ещё неясно — писатель или просто графоман, а о величайших художниках слова? Надо благоговейно перед их даром, перед тем, как он через них себя выразил.

А «Воскресение» Толстого — еретическое произведение?

— «Воскресение» — это литература высокого уровня. Конечно, можно говорить о том, что «Война и мир» значительно сильнее. Но и в «Воскресении» есть подлинная трагедия человека, есть трагедия самого Толстого, и это не повод для того, чтобы давать оценки — правильно или неправильно. Если вопрос задан об описании там литургии, то понятно, что это просто злая пародия, карикатура, с точки зрения церкви — кощунство. Но ведь такое пишет человек, который сам себя к церкви не относит, значит — это не ересь, а его частное мнение. Мы с ним совершенно не обязаны соглашаться, даже если это мнение гениального писателя. Ведь когда он выступает в роли вселенского учителя, сразу оказывается, что здесь он не плохой и не хороший, он просто никакой. Но важно понять, что им двигала не только его собственная гордыня, а ещё и очевидность болезни церкви. Да, о них он сказал не в уровень предмета, но это вряд ли нужно оценивать на уроке литературы. Такой разговор — для взрослых людей, или для тех детей, которые ставят вопросы повзрослому.

Возвращение Катюши в камеру после приговора

Иллюстрации Л.О. Пастернака к роману Л. Толстого «Воскресение»

Катюша у заутрени

НЕМНОГИЕ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ ЖИВУТ...

Поэзия Мандельштама свидетельствует о его постоянном поиске веры — в единстве веры, верности и свободы, оставшихся для него высшими ценностями в бурную эпоху начала XX века. Этот поиск и неожиданные открытия мы видим уже в его ранних стихах — «Образ твой, мучительный и зыбкий...» (1912) или:

О свободе небывалой
Сладко думать у свечи.
— Ты побудь со мной сначала,—
Верность плакала в ночи...
(1915)

Свои корни Мандельштам видел не в детстве и национальной традиции, которые он описывает, например, в «Шуме времени»: «Весь стройный мир-раж Петербурга был только сон, блистательный покров, накиннутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно гадавался и бежал, всегда бежал». Оттуда он бежал, но куда? Читая его стихи, с удивлением видишь, что для Мандельштама оказывается родной любая эпоха, любая культура, в которую он погружается, куда он входит, как в родной дом. При самом беглом взгляде можно вспомнить его стихотворения «В разноголосие девического хора...», «Лютеранин», «Айя-София», «Notre Dame», «Я не слышал рассказов Оссиана...»

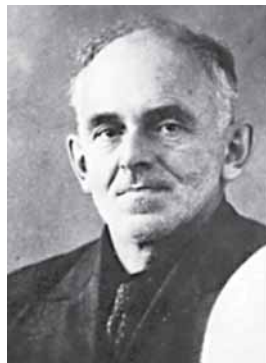
Когда он принимает христианство, то сознательно выбирает не доминирующую конфессию. В 1911 году он был крещен в епископско-методистской церкви, однако главным для него оставалось то, что гораздо позже К.-С. Льюис назовет «просто христианством». Для него была очевидна неразрывная связь христианства и культуры. В советское время оставаться культурным человеком было так же непросто, как и верующим, собственно говоря, это было фактически одно и то же. Мандельштам нигде непосредственно о вере не говорит, но его строки дышат красотой христианской традиции и культуры, живым дыханием божественного откровения. Сама его жизнь оказалась свидетельством его христианского смирения и настоящей любви к врагам. До последних своих дней он оставался вестником иного, Небесного царства на этой столь нищей и поруганной земле.

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище —
Раздвижной и прижизненный дом.
(9 марта 1937)

Кирилл Мозгов

Статья была опубликована в миссионерском издании «Плоды и листья»

х х х

Паденье — неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.
Кто камни нам бросает с высоты,
И камень отрицает иго праха?
И деревянной поступью монаха
Мошней двор когда-то мерил ты:
Бульжники и грубые мечты —
В них жажда смерти и тоска размаха!
Так проклят будь готический приют,
Где потолком входящий обморочен
И в очаже веселых дров не жгут.
Немного для вечности живут,
Но если ты мновенным озабочен —
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!

1912

За гремящую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей,—
Я лишился и чаши на пир отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запиши меня лучше, как шапку, в рукава
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияла всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сонна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17 — 18 марта 1931, конец 1935

х х х

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнали
И развязаны для бытия.

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнова
Собирает в единый пучок.

Чистых линий пучки благодарные,
Направляемые тихим думом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом,—

Только здесь, на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкальный дом,—
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

То, что я говорю, мне прости...
Тихо-тихо его мне прочти...

15 марта 1937

Недавно один человек обратился ко мне через Интернет с просьбой встретиться с ним и написать материал о жизни инвалидов детства. Признаться, это не самая горячая и острая для меня тема. Я и не задумывалась раньше о том, что как бы невольно стараюсь её избегать, не вспоминать о ней: Бог милостив меня, родных, близких — и слава Богу.

Видимо, поэтому и на письмо Сергея я ответила не сразу. Но потом всё-таки решилась. И вот — еду к нему во Фрязино. С трепетом вхожу в небольшую квартиру. Сначала вижу его родных — маму, племянницу лет десяти, потом и самого Сергея. Несовершенный остеогенез прекращает рост костей скелета, кости становятся хрупкими, часто ломаются. Сергею ещё повезло — он может сидеть, пусть и в коляске. Некоторые его товарищи по болезни только лежат. В комнате иконы, книги — митр. Антоний Сурожский, свт. Вениамин (Федченков), Бунин, Достоевский, Пастернак, на стенах — красивые фотографии, пейзажи. Оказывается, Сергей любит фотографировать и делает это при каждом удобном случае.

На полке — небольшая модель православного храма. Конечно, его тоже

ЧТО МОЖЕТ ЧЕЛОВЕК?

3 декабря — всемирный День инвалида

сделал Сергей — из спичечных коробков. Красиво. В соседнем шкафу — шкатулки, сделанные его же руками. Создаётся ощущение, что этот человек, который должен был бы быть неподвижным в силу объективных причин, успевает очень многое. Прощу рассказать немного о себе.

«Мне 30 лет. Родился и всю жизнь прожил во Фрязино. Окончил школу. Потом занимался разной работой на дому. В 2000 году окончил курсы оператора ПК при центре реабилитации во Фрязино. В то время город хотел создать подмосковный центр для инвалидов, в котором мы могли бы обучаться в разных мастерских и затем в них работать. Теперь этого центра нет, но мне повезло — я успел. После этого работал в издательстве. Главный краевед нашего города Григорий Васильевич Ровенский давал мне разные задания по набору данных. Потом эти материалы были изданы в его книгах по истории нашего города, нашего района, нашего храма в с. Гребнево. Сейчас занимаюсь созданием сайтов. Обучился этому сам. Раньше работы было достаточно много, но сейчас — кризис; заказы один за другим закрывались, и сейчас остался только один. К сожалению, государство не заинтересовано в таких людях, как я, а основное требование работодателя — пребывание в офисе. Поэтому сейчас я ищу работу».

Слушаю Сергея и пытаюсь уловить, что в нём так удивляет.

— Откуда у Вас столько сил? Как удаётся бороться с унынием?

Улыбается, отвечает неторопливо: — Я как-то не задумываюсь об этом. Живу так, как получаётся. Откуда силы? Наверное, Бог даёт.

Сергей крестился в 12 лет. Им с мамой стал помогать один верующий человек, через год общения с ним крес-

тился Сергей, ещё через год — его мама. Сейчас этот человек священник, монах, возглавляет один из монастырей в Архангельской области. В детстве Сергей бывал в храме каждую неделю, теперь это сложнее — он вырос, маме самой его не отвезти, нужна помощь. Мама по-прежнему бывает в храме каждую неделю вместе с племянницей. А когда позволяет погода и есть тот, кто может отвезти Сергея, они выбирают в храм все вместе. Помимо Гребнево, в городе есть ещё один храм — Рождества Христова, совсем новый, 2003 года, он оснащён пандусом, это очень удобно. Летом они ездят туда.

— Что бы Вы могли пожелать нашим читателям, особенно нездоровым людям, которым так же тяжело?

— Знаете, у меня достаточно большой круг общения и я вижу, что каждый хочет своего. Трудно сказать, что можно было бы пожелать им все вместе. Здоровья, наверное.

За ужином к нашему разговору присоединяется мама. Она рассказывает о том, как пришла в храм сначала «за культурой», долго не хотела креститься: «Нет, я ещё не верю». Но это давно было, в 1989-90 году, тогда еще в церковь не так много народу приходило. Время было голодное, некоторые умирали от голода... Говорили много о чём: о том, кто из нас куда ездит в паломничества, о том, что такое «второе рождение», о Свято-Филаретовском институте, в котором я учусь.

И только к концу встречи я поняла, что меня больше всего удивило в Сергее. Он не вызывал болезненного и беспомощного чувства жалости, с которым мы так часто относимся к тяжело больным людям. Да, он прикован к коляске, но при этом общается через интернет со всем миром, а с некоторыми, кто доезжает к нему домой, знакомится лич-

Лето Гребнево 2007 год

но. Конечно, ему очень нужна помощь. Два года продолжается обострение болезни, а на лечение денег нет. Материальные трудности более чем очевидны: в семье четверо — Сергей, мама-пенсионерка, больная сестра, не имеющая возможности работать, и её одиннадцатилетняя дочь. Но Сергей, единственный кормилец в семье, готов работать, причём не на одной работе. Только бы найти — где...

Когда я шла брать интервью, мне всё время хотелось повернуть назад: ну для чего я иду, разве смогу реально помочь? Денег у меня нет, живу в другом городе, скорее всего мы и не увидимся больше никогда. На эти вопросы у меня и сейчас нет точного ответа, зато теперь я могу точно сказать, чем Сергей поможет мне — тем, что он есть, тем, что человек может не зависеть от самых фатальных, от самых, казалось бы, неизменных обстоятельств.

Анастасия Наконечная

Фотографии Сергея (одна из них иллюстрирует статью) можно посмотреть на сайте sysopweb.ru/cpg1418/index.php